

Гурвич. Итак, мы открываем 89 диспут Ассоциации независимых центров экономического анализа, и тема, на наш взгляд, более чем актуальна. Ее объявит мой коллега Олег Витальевич и расскажет о регламенте.

Буклемишев. Добрый вечер, уважаемые коллеги! Я воспринимаю как высокую честь сегодня – возможность провести этот замечательный диспут, тем более, на столь важную тему. Сегодня у нас две замечательных участницы, это Лилия Николаевна Овчарова, директор Независимого института социальной политики и директор Центра анализа доходов и уровня жизни Высшей школы экономики. Еще один дебют в диспут-клубе – это Марина Дмитриевна Красильникова, руководитель изучения доходов и потребления Аналитического центра «Левада».

И тема, которую мы сегодня будем обсуждать – это формирует ли рост потребления спрос на свободу и качественные институты. Мы попробуем понять, есть ли какая-то связь между доходами, уровнем жизни стандартного потребления и тем, что мы обычно связываем с ориентацией человека, его стремлением к свободе, его стремлением к демократии. Насколько он предъявляет спрос на столь важные вещи, которые деньгами, наверное, не измеряются, а измеряются более высокими жизненными ценностями.

Я напомним о регламенте, сначала Марина Дмитриевна будет выступать 20 минут. После этого Лилия Николаевна задает Вам 2 вопроса, на которые получает короткие, по возможности, ответы, и мы передаем слово Лилии Николаевне. Она выступает 20 минут, после чего Вы задаете 2 вопроса и получаете на них, соответственно, ответы. Далее мы переходим к вопросам из зала, каждый будет иметь возможность задать вопрос. Далее, все время которое остается, а весь регламент у нас длится около 2 часов, дается на выступления.

Красильникова. Первый слайд моего выступления уже на экране. Первое, что я хочу уточнить – я поняла тему нынешнего диспута совершенно конкретно исторически, и все время буду говорить о сегодняшней России, а не вообще о том, какой может быть связь между динамикой потребления и запроса на свободу.

Что происходило с потреблением в России в последнее время? Есть смысл считать от начала века, потому что именно с этого времени происходил более менее непрерывный рост, за исключением одного известного события - кризиса 2008г. И действительно, за это время реальные доходы населения выросли к прошлому году почти в 3.5 раза (как вы видите, красная линия – это реальные доходы населения с 1999 года). В «Левада-центре», помимо количественного измерения денежных доходов населения, мы вынуждены мерить субъективные характеристики. Сначала мы делали это вынужденно, а потом поняли, что это очень хороший исследовательский инструмент. Мы построили шкалу субъективных оценок материального статуса, или финансового статуса, в домохозяйстве. Она позволяла нам как-то позиционировать наших респондентов на шкале потребления в условиях, когда респонденты очень неохотно сообщают о своих доходах, как, наверное, все присутствующие в этой аудитории очень хорошо знают.

А вот на этот вопрос люди отвечают почти всегда, и шкала такая: денег не хватает даже на самое необходимое, еле сводим концы с концами – это самые бедные. Следующий уровень – денег хватает на еду, но уже на покупке одежды приходится экономить, или покупка одежды и обуви создает финансовые трудности. Следующая позиция – семья без финансовых затруднений может позволить себе удовлетворять потребности в питании и одежде. И еще более высокая позиция, которая была для нас актуальна 7 лет назад, и она была самой высокой в массовых опросах – это можем без финансовых затруднений покупать домашнюю технику, товары длительного пользования. В последние несколько лет, мы рады сообщить, что появилась значимая доля респондентов, которая сообщает, что они могут купить автомобиль, не залезая в бешеные долги, и не очень сильно обременяя свой семейный бюджет.

Вот в такую шкалу укладывается весь потребительский спектр массового российского потребителя, и в условиях более чем трехкратного в реальном выражении роста личных доходов, за прошедшие 15 лет произошли значительные изменения. Наше общество превратилось из общества сытых людей (в начале 2000-х годов самую массовую группу

составляли люди, которые говорили, что им денег хватает на питание). Сейчас самая массовая группа – это люди, которым хватает денег на питание и одежду, то есть мы стали обществом людей наевшихся и одевшихся. И весьма значимой, 25- 30%, стала группа людей, которые могут покупать товары длительного пользования, иногда автомобили. Собственно говоря, это и все. С одной стороны 3.5 кратный рост реальных доходов, с другой стороны – гораздо менее впечатляющее изменение в структуре потребления по финансовому статусу.

На этом слайде я предлагаю сравнить структуру потребительских расходов в России и в странах с развитыми экономиками. И вы видите, что Россия существенно отличается от развитых экономик. Это данные 2011 года, довольно свежие данные, потому что структура меняется медленно. Как вы видите, в российских домохозяйствах 60% - это расходы на одежду, напитки, еду. Меньше, чем в других странах, расходы на коммунальные услуги, и так далее. То есть, на самом деле, структура очень сильно смещена в сторону потребления бедного домохозяйства, у которого основная часть расходов тратится на повседневные нужды, на самые жизненно важные вещи. И не тратится на жилье, и это происходит потому, что оплата жилья – это, в основном, оплата коммунальных услуг, вот в этой графе. То есть, воспроизводится структура скорее бедного населения по сравнению с более развитыми экономиками.

А теперь посмотрим, какие потребительские образцы у российских граждан. Это данные исследования городского населения России, проведенного 2 года назад, причем это города с численностью населения свыше 20 тысяч, то есть это не самые мелкие города. И мы спросили респондентов, какие из потребительских характеристик, перечисленных здесь, являются признаком жизни обычной семьи, а какие свидетельствуют о том, что семья является богатой. И, как вы видите, наверное, только качественное питание, садовый участок, более менее оборудованная современной техникой квартира (что это значит – отдельный вопрос), – это признак потребления обычной семьи. Такие вещи, как качественное медицинское обслуживание, наличие двух автомобилей в семье, наличие второго жилья не для сдачи внаем, сбережения свыше полумиллиона рублей – это безоговорочный признак богатой, в терминах наших респондентов, семьи.

Это, как мне кажется, еще одна характеристика того, что потребительское воображение у массового российского потребителя, в сущности, довольно скромное и скудное. Я напоминаю, что это опрос городского населения, если бы здесь было учтено мнение еще и сельского населения, то цифры были бы куда более полярными.

Давайте посмотрим дальше. Данные того же самого опроса городского населения показывают, что массовый потребитель не стремится экономить на большинстве повседневных расходов. В сущности, происходит то, что люди не могут выбраться за рамки структуры бедного потребления. Не только не могут, но и не хотят, и у них нет интенции, которая позволила бы им перейти на другую ступень потребительского статуса. Возникает этот самый порочный круг, когда дополнительные деньги не сохраняются для того, чтобы накопить их и повысить свой материальный статус принципиально, например, купив второй автомобиль, а они проедаются, они тратятся на очередную не очень нужную, но модную одежду. У этой модной одежды есть свой социальный статус. Для каждого конкретного слоя в потребительской структуре населения существует свой набор демонстративных предметов потребления. И в нашем обществе этот самый набор до сих пор ограничен, в массовых масштабах, среди основной части населения, одеждой. И вот этот порочный круг и воспроизводится. Это то, что касается потребления.

Давайте посмотрим дальше, что происходило в нашем обществе по поводу отношения к свободе. Здесь данные с 90-го года, и столбиками нарисовано распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, люди в России сейчас имеют достаточно свободы, слишком мало свободы или слишком много свободы?» Как видите, за 20 с лишним лет заметно увеличилась доля тех, кто считает, что свободы в нашем обществе вполне достаточно. Это примерно 60%. Красная линия на фоне этих столбиков – это доля тех, кто ответил положительно на вопрос о том, чувствуете ли вы себя в нашем обществе свободным человеком.

Как вы видите, в последние годы количество людей, которые чувствуют себя свободными, стало понемногу сокращаться. Давайте посмотрим, в каких группах это сокращение произошло. Сокращение доли людей, которые чувствуют себя свободными людьми, произошло в группах менее обеспеченных. Среди обеспеченных ничего подобного не произошло. Это все данные репрезентативных опросов «Левада-центра», которые отражают мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше.

Я прошу обратить внимание на даты опросов. Здесь приведены данные двух опросов – октября 2011 года и октября 2013 года. Это тот период, когда в нашей стране были явные признаки ограничения свобод. Это был период, когда принималось законодательство о некоммерческих организациях, это время, когда принималось законодательство о регистрации интернет-площадок, социальных сетей. Вот в таких условиях это, прежде всего, почувствовали на себе люди скорее менее обеспеченные, чем более обеспеченные. Люди обеспеченные не продемонстрировали особого роста дискомфорта.

«Какая свобода лично вам нужна?» - к сожалению, это не очень удачный график, потому что здесь по группам финансового статуса показана доля ответов суммарно, т.е. те, кто говорит, что им такая свобода «очень нужна», и те, кто говорит, что свобода «скорее нужна». На самом деле, доля тех, кому свобода вообще не нужна, понятно, нас не очень интересует. Гораздо правильнее было бы на этом слайде отразить долю тех, кто считает, что соответствующая свобода «очень нужна». Поэтому я вам только зачитаю эти цифры. Свобода слова «очень нужна» 30% людей, которым не хватает на еду, и 44% людей, которые наиболее обеспечены, то есть рост в 1.5 раза. Свобода демонстраций в равной мере «очень нужна» только четверти опрошенных в каждой из этих групп, 23 и 24%. Свобода выезда за рубеж – это именно тот показатель, который растет стремительнее всего по мере роста благосостояния. Это свобода «очень нужна» 27% тем, кому не хватает денег на еду, и 54% тех, кто может позволить себе покупку товаров длительного пользования. То есть по мере роста благосостояния быстрее всего растет спрос на выезд за рубеж, то есть на те же самые потребительские расходы.

«Какого типа общество вы бы хотели видеть в России в будущем?» - действительно, спрос на общество с демократическим устройством и рыночной экономикой растет по мере роста благосостояния, но все равно даже в этой группе не достигает половины. Напротив, идея особого пути и в этой группе тоже очень значима.

Вы, наверное, знаете, что людям в нашем обществе доверять нельзя - как считает большинство наших соотечественников. Уровень доверия растет по мере роста благосостояния, но до средне-высокой группы, примерно до 8 дециля в распределении по уровню личного денежного дохода, а потом опять начинает снижаться. Представлены на графике данные опроса очень обеспеченных людей в нашем обществе, то есть с уровнем дохода 1.5 тысяч долларов в месяц на члена семьи, вот они себя чувствуют очень незащищенными в нашем обществе.

По поводу характеристики отношения к качественным институтам я хочу привести единственный пример. Лет 7 назад, как раз перед экономическим кризисом, мы для Независимого института социальной политики провели исследование по поводу справедливости и направлений реформирования здравоохранения в России. И тогда мы выяснили, что обеспеченные слои населения, равно как и все прочие слои населения, очень хотят сохранить государственную модель, но при этом чтобы у них была возможность доплачивать за особые услуги. То есть качественные институты для кого? Идеальная модель – бесплатные для всех, а для меня отдельно - чтобы была возможность получить качественную услугу. А самое главное, что выяснилось, как видно на этом слайде, что именно наиболее обеспеченные группы наиболее терпимо относятся к нелегальным практикам в сфере здравоохранения. Это, что называется, штрихи к портрету.

И последний сюжет, на котором я хочу остановиться – это инструмент, который мы создали в «Левада-центре». Это такой измеритель социального самочувствия, единый индекс, который основан на комплексном анализе большой группы индикаторов, оценок населением

своего положения: положения в стране, политических условий, экономических условий, отношений к власти сейчас, ожидания на будущее. В общем, весь спектр важнейших факторов, формирующих социальное самочувствие. Это специальным образом сводится в единый индекс – Индекс Социальных Настроений (ИСН), и вот этот индекс мы меряем с середины 90-х годов.

Вот так он себя ведет: на графике тонкие вертикальные линии – это периоды президентских выборов в стране, а толстые розовые – это периоды экономических кризисов 1998 и 2008 года. Обеспеченные люди всегда более оптимистичны, чем все остальные, но направление динамики одинаковое, плюс минус один-два замера.

Здесь показана динамика компонентов этого самого индекса социальных настроений. Индекс в целом измеряется по 12 вопросам, которые формируют 4 группы индикаторов. Это индекс положения дел в семье – желтый, это индекс положения дел в стране в целом, это индекс оценки власти – зеленый индекс, и индекс ожидания – синий индекс, он в последнее время в самом низу.

Смотрите, что происходило в среднем: существенно перепозиционировалась значимость оценок власти и оценок того, что происходит в собственной семье и с собственной жизнью, т.е. там, где люди обладают максимальными возможностями контроля и управления своей жизнью. Был период, когда люди стали больше надеяться на себя, и их оптимизм концентрировался в их собственных руках – период, когда желтая линия была чуть повыше. Но едва случился Крым, отношение к власти стало ведущим фактором социального оптимизма.

На самом деле, у обеспеченных людей – это верхняя левая картинка, надежда на себя и оценки положения собственной семьи (красная линия на этом графике – это оценка семьи) всегда были ведущим лейтмотивом социального оптимизма, за исключением кризиса 2008 года. Как только случился кризис 2008 года, обеспеченные люди немедленно устремились под крыло государства, демонстрируя патерналистские настроения. События последнего года, связанные с Крымом, требуют отдельных комментариев.

Нам было интересно посмотреть и количественно оценить факторы формирования социальных настроений. И, как видите, это параметры уравнений (оценки методом наименьших квадратов), в которых зависимой переменной является либо индекс социальных настроений (ИСН), либо его компоненты, а факторами являются возраст, образование, тип населенного пункта и финансовый статус. Все коэффициенты статистически значимые, t-статистика прекрасная.

Мы видим, что чем старше люди, тем больше они теряют оптимизм, чем образованнее – они теряют оптимизм, чем выше уровень урбанизации – тем меньше оптимизма, чем лучше финансовый статус – тем оптимизма больше. Из всего этого мы делаем вывод, что социальный оптимизм сосредоточен среди молодежи со средним уровнем образования, проживающей в провинции, но при этом довольно обеспеченной. Это та цитата, которую я в приглашении позволила себе привести из исследования, результаты которого я вам здесь предлагаю.

Овчарова. Спасибо, Марина Дмитриевна! Можно мне технический вопрос? На первом слайде были данные «Левада-центра» или Росстата, по динамике реальных доходов?

Красильникова. По динамике реальных доходов – это данные Росстата, конечно.

Овчарова. Теперь два содержательных вопроса. Когда Вы комментировали изменения в потреблении, то отметили, что наши граждане не экономят. Если можно, Ваша позиция относительно того, почему они так поступают? И второе, может быть, я пропустила, Ваше отношение к вопросу – есть спрос на качественные институты или его нет?

Красильникова. Я так торопилась, что я забыла выводы сказать. Когда я посмотрела целиком на все эти картинки, я сама себе сказала следующее: то, что я вижу, скорее, не подтверждает прямой зависимости между ростом потребления и запросом на свободу и качественные институты для всех, для всего общества, а не для отдельных привилегированных групп. Из того, что я увидела, мне показалось, что можно с уверенностью говорить о росте спроса на свободу потребления, но это совсем другая история.

Возможно, для того, чтобы мы увидели зависимость между ростом потребления и спросом на институты, должны происходить более существенные изменения в структуре потребления, чем те, которые произошли в России до сих пор, и сейчас я подробнее тогда отвечу на твой первый вопрос.

Но, скорее, мой ответ на второй вопрос такой: рост потребления обеспечивает необходимые условия, но не является достаточным условием для того, чтобы возник спрос на свободу и качественные институты. Причем слова «необходимо» и «достаточно» в математическом смысле этих слов, как условие необходимое и условие достаточное.

Почему у нас так медленно происходят структурные изменения в потреблении, и почему я думаю, что мы находимся сейчас немного в ловушке бедности. Однако с той оговоркой, что нынешнее положение не сравнимо с началом 90-х годов. Тогда мы задавали в «Левада-центре» вопросы про возможность голода, и эти вопросы не были экспертными, они были совершенно жизненными вопросами для значительных слоев населения. Сейчас такие вопросы звучат только как экспертные вопросы практически для всех.

Конечно, это совсем не та ситуация материального неблагополучия семей, которая была еще 20 лет назад. Но высокие темпы инфляции, недостаточный рост доходов приводит к тому, что требуется существенно более значительный прирост доходов, например, тот, который мы наблюдали с 2001 по 2008 год (а это рост реальных доходов на 10% - это совершенно беспрецедентные цифры), чтобы происходили хоть какие-то структурные изменения. Без этого они, к сожалению, не происходят, потому что прирост доходов в реальном выражении на 10% позволяет купить только еще одну кофточку, а собрать денег для того, чтобы купить себе квартиру – ты с помощью этих 10% все равно за всю свою жизнь не соберешь. Это одна сторона вопроса, со стороны динамики доходов.

Другая сторона вопроса состоит в том, что люди найдут способ экономить, если они поймут, зачем это делать. Как я уже упомянула, у каждой потребительской страты есть свои представления о товарах демонстративного потребления. На самом деле, они выражаются в том, что модно. Собственно, мода – это тоже продукт закона демонстративного потребления.

Если есть пример того, что надо экономить на еде, и собрать эти деньги для того, чтобы отправить ребенка учиться в лучшую школу, то люди будут это делать. У них нет этого примера. Ступенька между массовым слоем потребителей и слоем более высоким, на который они вообще-то должны были бы ориентироваться, столь высока, что нет реально зримых образцов. То есть образцы потребительского поведения есть либо среди себе подобных, либо на экране и в мыльных операх о том, как живут богатые, которые тоже плачут. И эти образцы, конечно, недостижимы. Поэтому единственное, что остается в социальной функции потребления, когда ты варишься в своем слое – это обогнать соседа по количеству съеденных блюд, по количеству купленных кофточек, и так далее. Я немного утрирую, но примерно так. Поэтому люди не экономят..

Буклемишев. Спасибо, теперь слово Елене Николаевне Овчаровой для презентации.

Овчарова. Спасибо, я тоже постараюсь уложиться в 20 минут, тем более, что по ряду позиций наши слайды будут пересекаться с Мариной, поэтому я буду их пропускать.

Ряд наших оценок будет различаться не только по содержанию, но и по методологии исследования.. Поэтому я хотела бы начать с некоего теоретического конструкта относительно связи между потреблением и спросом на свободу, и это будут не результаты исследований нашей команды, а теоретический базис анализа, поскольку мы пытались проверять уже ранее сформулированные другими учеными научные гипотезы. И здесь я обращаюсь к Ингелхарту, который опубликовал его видение последовательности человеческого развития. И я так понимаю эту его картинку, что последовательность человеческого развития идет следующим образом: сначала в потреблении преобладает стандарт выживания, потом при росте доходов он трансформируется в стандарт, который базируется на ценностях самовыражения, и именно когда ценности самовыражения становятся массовыми, происходит переход к массовой демократии, а именно демократию я рассматриваю как спрос на свободу. Прочитав эту книгу,

и увидев эту картинку, я несколько лет пыталась понять, где мы находимся, в каком из этих квадратов, и в какую сторону мы движемся.

Дальше я хотела еще очень коротко прокомментировать не свой результат, а результат Бранко Милановича, достаточно известного специалиста по неравенству, который может использовать ресурсы всемирного банка для подтверждения всех гипотез. Я все время говорю о том, что цена этой картинке – это стоимость металлургического завода, потому что Бранко собрал данные по всем странам, сумел оценить мировое глобальное богатство, и распределить это глобальное богатство по 5% группам населения мира, и увидеть, как на этой шкале глобального богатства представлена каждая страна.

Времени у меня очень мало, поэтому коротко о том, что на этой картинке. Она показывает, что мы – страна небедная, что даже 5% наших самых бедных, это 2005 год, расположены в 35% мирового распределения по богатству, а 75% нашего населения находятся выше 60 процентиля мирового богатства.

Для чего я рассказываю вам результаты других исследований? Чтобы обосновать гипотезу о том, что стандарт выживания, как массовая модель потребительского поведения, в нашей стране преодолен. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основе оценки объем ресурсов, которые для этого необходимы. Дальше вопрос, наверное, в распределении, в неравенстве, но даже при том неравенстве, которое у нас есть, большинство населения живет в верхней части мировых стандартов потребления.

Теперь о динамике доходов, это уже показывала Марина Дмитриевна, но я тяну этот график с 1991 года. Это рост реальных доходов, смотрю постсоветский период, и мы видим, что реальные доходы существенно выросли. Причем, это касается и заработной платы, которая оценивается с учетом скрытой части заработной платы. Но если мы смотрим на пенсию и только официальную заработную плату, то картинка менее оптимистичная, чем она выглядит с точки зрения дохода.

Дальше я хотела коротко обратить ваше внимание на динамику оборота розничной торговли. Здесь есть данные в целом по товарообороту, и отдельно для продовольствия, непродовольственных товаров и услуг. Верхняя кривая – это услуги, все тоже тянется от 1991 года, и вы видите, что расходы на услуги, во-первых, были более чувствительны ко всем кризисам. Мы видим, как расходы на услуги упали в 1992 году, и как они затем рванули, а после опять обвалились в 1998 году, потом опять рванули вверх, и были чувствительны к последнему кризису 2008 – 2009 годов. Почему я обращаю внимание на услуги? Потому что рост расходов на услуги – это тоже, с моей точки зрения, подтверждение того, что страна выходит из стандарта выживания.

Вот это та картинка, о которой уже рассказывала Марина Дмитриевна, это динамика использования денежных доходов. Я хотела бы на этой картинке обратить внимание на то, что действительно у нашего населения появился достаточно большой сегмент ресурсов, который мы называем финансовыми активами. Они в отдельные годы составляли порядка 20% от всех используемых денежных доходов населения. Мы видим, что этот сегмент увеличивался, колебался, но в целом наличие такого сегмента говорит о том, что в стране формируются возможности для многоформатного потребления. На этой картинке я хотела бы обратить внимание только на то, что есть такие субъекты федерации, где приобретение недвижимости составляет порядка 10%, 8.8%, от используемых денежных доходов. В частности, речь идет о Москве. Остановлюсь на инвестициях в недвижимость, Марина Дмитриевна правильно говорила про кофточки, но и возможности приобретения жилья через ипотечные программы также существенно расширилась. Это, конечно, не всем доступно, но, ипотека, пожалуй, одна из немногих программ, которые заработали в нашей стране.

Теперь я хотела бы перейти к потребительским расходам. Прежде, чем говорить о потребительских расходах, я хотела бы сделать некоторый комментарий относительно прогноза предстоящих изменений. Когда в апреле делала эту картинку, то думала о драйверах роста. А уже сейчас смотрю на них с точки зрения развития в условиях высокой

неопределенности,, потому что сегодня сомневаюсь относительно драйверов роста. Что я имею в виду, об этом я поговорю чуть позже.

А сейчас попыталась выделить 3 сегмента изменений в потреблении, сравню их с другими странами, как это делала Марина, и посмотрю на структуру потребления в успешных регионах России - Татарстан и Москва. Здесь есть два агрегата – Россия-1 и Россия-2. Россия-1 – это агрегат, который формируется по данным обследования бюджетов домашних хозяйств, где обследуется потребление домашних хозяйств. А Россия-2 – это агрегат, который используется для межстрановых сопоставлений.

Поэтому первый вывод, который мы можем сделать – относительно расходов на питание. Мы видим, что доля расходов на питание резко сократилась в нашей стране, и это признак изменения массового потребительского стандарта. Но она еще изменилась не настолько, для того, чтобы мы могли сказать, что Россия может сравниться со странами развитого мира. Даже если сравнивать с Польшей, то мы видим, что наша доля расходов на питание, что по одному агрегату, что по другому - еще достаточно высокая.

Но если мы вернемся к тому графику, где я показывала динамику товарооборота, то видим, что по продуктам питания расходы росли быстрее, чем по непродовольственным товарам. Хотя при изменении потребительского стандарта происходит немного по-другому, расходы на непродовольственные товары начинают расти быстрее. То есть мы наелись, и перешли в стадию того, что мы хотим есть качественные продукты питания, но еще не так богаты, чтобы переключить весь рост доходов на непродуктовую часть. Эту мысль я хотела в данном случае донести.

Дальше я хотела бы остановиться на так называемых драйверах роста, как я их обозначила на слайде, хотя сейчас думаю об этом как о зоне неопределенности. Первое – это доля расходов на гостиницы, кафе и рестораны. Она очень выросла у нас в стране, причем при переходе от одного агрегата к другому она мало меняется. А если мы возьмем Москву, то она сопоставима уже с рядом ведущих стран. Вообще-то, после того, как мы наелись и оделись, мы начали инвестировать в машины и развлечения, поэтому этот сегмент развлечений достаточно изменил наше потребительское поведение.

Следующий сюжет, который говорит о том, что потребление изменилось – это инвестиции в связь. Инвестиции в связь выросли в 3 раза. Если в 2000-е годы доля расходов на связь составляла 1%, то сейчас это порядка 3%, это существенный рост. А на этом слайде я хотела бы сказать о том, что, несмотря на достаточно серьезный рост инвестиций в интернет, мы, все-таки, еще не дотянули до развитых стран. Нам есть куда расти дальше. Если бы мы росли, это было бы нашим драйвером роста, это было бы то, куда те 10% роста доходов, о которых говорила Марина Дмитриевна, инвестировало бы наше население, куда следовало бы бизнесу вкладывать свои ресурсы.

Что касается потребительских расходов на здравоохранение – я должна сказать, что это тот сюжет, когда агрегат1, рассчитанный по обследованиям бюджетов домашних хозяйств, и агрегат 2, оцененный по системе национальных счетов и сопоставимый по международной методике, показывают очень разные данные. Мы видим, что Россия уже достаточно много денег тратит на здравоохранение. Я объясню, почему так отличаются данные – потому что в обследованиях бюджетов домашних хозяйств наши отчисления в Фонд медицинского страхования не учитываются, а в международных сопоставлениях это считается расходами сектора домашних хозяйств. Мы действительно уже достаточно много тратим на медицину, но пока не дотягиваем до ведущих стран. Поэтому в дальнейшем, при росте доходов, можно предположить, что сюда будут инвестироваться средства домашних хозяйств.

Следующий драйвер перемен – это расходы на образование. Здесь у нас примерно такая же картинка, как со здравоохранением, мы видим, что в России уже достаточно много сектор домашних хозяйств по международным сопоставлениям инвестирует в образование, хотя обследование бюджетов домашних хозяйств показывает очень маленькую долю. Но, тем не менее, если бы мы росли дальше, то, скорее всего, при определенных институциональных

изменениях сектор домашних хозяйств инвестировал бы именно сюда. Аналогичная история с потреблением культурных услуг, примерно такая же история с жилищными услугами.

Теперь расходы на транспорт. Да, действительно, в России те, кому уже хватает на кофточку, но не хватает на квартиру, массово инвестируются в автомобили. По этому показателю с нами сравниться может только Мексика, все развитые страны намного рациональнее относятся к этому бюджету, и машина для них не средство роскоши, а средство передвижения. У нас же машина, это то, о чем говорила Марина, это такое демонстративное и идентификационное потребление, поэтому без большого дорогого крутого джипа никуда.

Заканчивая, я бы хотела сформулировать свои выводы. Первое – это то, что я уже говорила, повторю еще раз: и международные сопоставления, и детальный анализ структуры потребления говорит о том, что массовый стандарт выживания мы преодолели.

Следующий барьер, который у нас есть – это неравенство. Я сегодня о нем не говорила, но проблема в том, что если мы не продвинулись далеко в модели развития, или модели самовыражения, то это только лишь потому, что у нас достаточно высокое неравенство.

И можно выделить 3 типа изменений в массовом потреблении. Первый – это расходы на транспорт, связь, отдых, культуру. Это те драйверы перемен, которые уже запущены, сложились, есть спрос, есть предложение, и даже более или менее приличные институты, которые представлены в этих потребительских секторах. Вторая группа – это расходы на гостиницы, кафе, жилищно-коммунальные услуги, где спрос предъявлен, но качественных продуктов на рынке нет. И поэтому, скажем так, такое облачное пространство формальных и, неформальных отношений. Можно сказать, что здесь есть спрос на качественные институты. Если здесь будут качественные институты, это становится драйвером роста, причем синергетическим.

И третья зона неопределенности и роста – это расходы на образование и здравоохранение. Здесь пока с точки зрения качественных платных услуг ни спрос, ни предложение не сформировались, а то, что сформировалось, сложно назвать нормальными рыночными отношениями, потому что даже эти два похожих сегмента услуг стали по-разному развиваться в условиях частных платежей. Услуги здравоохранения в частном секторе оцениваются как качественные, а услуги образования – как некачественные. Два этих сектора противоположно отреагировали на то, что происходит. И из-за отсутствия качественных предложений, и из-за того, что рост доходов был не так велик, как хотелось бы, это мы видим по доле расходов на питание, население массово тяготеет к неформальным отношениям по многим секторам, где не сложилось качественного формального предложения.

Наиболее продвинутые слои населения переносят свой запрос на качественные услуги за пределы национальной экономики, причем это не только для слишком богатых, а, например, по туристическому сегменту мы знаем, что это и для достаточно средних слоев населения. Туристический бизнес рухнул первым, я думаю, что следующий строительный стоит на подходе, потому что он тоже в значительной степени по пирамидообразному сценарию выстроен. Население массово уходит в собственную организацию своих туристических поездок.

И последний пункт, который страшно обсуждать, но придется – это какие политики возможны в условиях сложившегося потребительского стандарта. Может быть 3 сценария: рост, стагнация и мобилизация. В условиях роста, если бы был сценарий роста, я вижу запрос на свободу. Я вижу сценарий продвижения по вот этой шкале Инглхарта, когда диверсифицированное, многоформатное потребление, формируя разные модели потребительского поведения, трансформируются в ответственный выбор по многим другим сферам жизни.

Стагнационный сценарий говорит о том, что накопленный ресурс может восприниматься группами, принимающими управленческие решения, как некая подушка безопасности, которая позволит продержаться некоторое время, и, может быть, решить некоторые вопросы.

И есть третий, самый неприятный сценарий – мобилизационный, когда эти ресурсы у населения будут изъяты. Потихонечку сценарии этого изъятия начинают запускаться, первое – это сейчас обсуждаемый закон по поводу инвестиционного жилья и новой системы требований к владельцам инвестиционного жилья. Если будет принят тот вариант, который обсуждается, то это побудит многих владельцев второго жилья с ним расстаться. Какой сценарий реализуется, я не знаю, но эти три сценария стимулирования точек роста будут учитывать потенциальные возможности домохозяйств. Спасибо

Красильникова. У меня два вопроса. Во-первых, не расскажете ли Вы, Лилия Николаевна, подробнее про динамику структуры того самого роста расходов на услуги, который Вы продемонстрировали? Какие именно услуги обеспечивали тот рост, который произошел?

И второй вопрос – есть такая идея, что существует здоровый уровень дифференциации денежных доходов населения. У нас, все говорят, очень высокий уровень дифференциации денежных доходов населения и равенство доходов населения тоже воспринимается как идея непопулярная. Как Вы относитесь к идее здорового нормального уровня дифференциации денежных доходов населения, и в каком смысле она реализуема? И, может быть, Вы расскажете, какая она должна быть?

Овчарова. Спасибо! По поводу первого вопроса, если говорить о динамике структуры, вернее, какие услуги обеспечили такой рост расходов на услуги. Конечно же, в первую очередь, это был рост на жилищно-коммунальные услуги, и его мало можно связать, честно говоря, с формированием модели поведения, ориентированной на самовыражение. Пожалуй, они занимают примерно половину всего этого прироста. Но вторая половина – это, собственно, те услуги, которые работают на свободу, я бы так сказала. Это, во-первых, услуги в сфере культуры и отдыха, это услуги в связи, и расходы на питание вне дома.

Что касается транспортных услуг, то их доля практически не изменилась, хотя там тоже произошел рост цен, но он не оказался таким существенным. Но расходы на транспорт и услуги, связанные с транспортом, весь этот агрегат, конечно, очень сильно вырос; это связано в основном с приобретением личного транспорта, его обслуживанием и содержанием.

Теперь что касается второго вопроса – я в теорию вот такого нормального неравенства не верю. Я на неравенство смотрю с другой точки зрения. Неравенство является драйвером развития в том случае, и оно является социально приемлемым, если видно, что неравенство трансформируется в сбережения, сбережения трансформируются в инвестиции, а инвестиции трансформируются в рабочие места. И вот если эта картинка просматривается каким-то образом, то достаточно высокое неравенство может быть социально приемлемым. Это первое условие.

Второе условие зависит от того, на каком тренде роста находится страна или экономика, это стагнация или рост. Здесь есть не мной придуманный туннельный эффект, сейчас очень модный Тома Пикети, написал достаточно много про это, и вокруг него сложилась группа людей, которые занимаются исследованиями туннельного эффекта. Суть его заключается в том, что когда все растут с приемлемой скоростью, то не очень важно, как движутся твои соседи. Ты бежишь так, как можешь, а то, что кто-то побежал быстрее – значит, может. А когда никто не продвигается, и вдруг кто-то побежал – это становится очень заметно. Это больше похоже на автомобильную пробку – в таких условиях даже низкое неравенство становится социально неприемлемым.

Поэтому мне больше нравятся рассуждения вокруг неравенства на эту тему, а не по поводу того, что неравенство в 6 раз – это хорошо или плохо? В Бразилии сейчас очень высокое неравенство, но на тренде роста и в условиях появления достаточно серьезных драйверов развития, и, правда, серьезных инвестициях в нижний хвост распределения по доходам, они намного терпимее относятся к неравенству, чем в ряде других стран. Допустим, в Мексике, где неравенство ниже.

Ведущий. Спасибо, мы переходим к следующей стадии нашего диспута – к сбору вопросов в аудитории.

Вопрос. Лукьяненко Анна. Добрый вечер, я представляю факультет глобальных процессов. У меня вопрос к двум участникам диспута, это вопрос о связи экономической безопасности и понятии свободы. Как, по вашему мнению, связаны два этих понятия?

Вопрос 1. Ржаницкая, Институт экономики РАН. Лилия Николаевна, Вы совершенно справедливо говорили о том, что абсолютная бедность – там несколько дела у нас обстоят, и нужен новый стандарт. Почему Вы не делаете политический вывод, что давно пора слезть со стандарта прожиточного минимума, который не мобилизует никого. Вы почему-то мобилизацией считаете обязательно финансовый отъем. Я считаю, что мобилизация – это опираться на позитивные цели народа, которые, в конце концов, если правильно их формулировать, в том числе, через потребление и доходы, то будет очень большой эффект. А новые стандарты есть, стандарт экономической устойчивости семьи – это Российская академия наук, профсоюзы, наконец, придумали справедливую зарплату по нормативам. Такое впечатление, что мы не выходим, а остаемся на уровне чистой науки, а нам надо выходить на решение. Прошу прощения, так ли это?

Вопрос 2. Агапова Татьяна Анатольевна, профессор экономического факультета МГУ. Вопрос к Марине Дмитриевне: скажите, пожалуйста, при тех различиях, по структуре потребления, которые Вы очень интересно показали, как Вы оцениваете перспективы появления качественных институтов? То есть можно ли в каком-то временном горизонте прогнозировать появление качественных институтов, или пока вообще нет смысла говорить о таком прогнозе ни в каком временном горизонте?

Вопрос 3. Сергей Винокур, журнал «Вопросы экономики». У меня вопрос к обоим докладчикам: скажите, пожалуйста, в рамках международных сопоставлений структуры расходов на разные группы товаров, вы учитывали каким-то образом структуру цен национального уровня? Потому что, например, в Италии продукты питания стоят существенно дешевле, чем в России, при этом их качество намного выше. Был личный опыт, когда в одном итальянском универсаме купил на неделю телегу продуктов, за эти деньги в Москве я купил бы, может быть, треть этой тележки. Соответственно, и доля расходов совершенно другая.

Вопрос 4. * Ольга, РГУТиС. Скажите, пожалуйста, помимо роста доходов, были ли у Вас исследования, которые бы показывали другие факторы прироста и изменения потребления?

Вопрос 5. Игорь Башмаков, у меня такой вопрос: доходы растут и как-то влияют на свободу. Что касается источников доходов, я думаю, что влияние на свободу, видимо, должно как-то сильно зависеть от источника дохода? Это распределительная экономика, это рента, и это централизованное государство, которое должны все любить, и которое им дает дополнительные доходы, и тогда никакого спроса на свободу может и не быть. То есть вопрос связи с источником доходов и спросом на свободу, потому что есть замечательный стих Некрасова о том, что «люди холопского звания – сущие псы иногда, чем им сильней наказание – тем им милей господя». Вот эти факторы как вы учитываете?

Вопрос 6. Ольга Кузина, Высшая школа экономики. У меня вопрос модельный, теоретический, что ли. Мы рассуждаем о том, может ли рост потребления привести к спросу на качественные институты, а является ли рост потребления единственным фактором? Такое ли влияние, может быть, обратное: если качественные институты – то тогда будет и рост потребления?

Я хочу пояснить свой вопрос: когда говорили о том, что растут доходы, но не растут в той мере, в какой можно было бы ожидать, расходы на недвижимость, на машины и прочее. Мы с Диларой занимаемся финансовым поведением, и мы четко можем сказать, что у нас есть проблема с доверием финансовым институтам и проблема с горизонтом планирования, связанная с тем, что у нас с институтами не все хорошо. И в этом смысле люди, как мне кажется, ответ на вопрос: «Почему они не вкладываются в той мере, в какой их доходы обеспечивают какие-то товары элитного пользования?», потому что это все равно связано со сбережениями. А чтобы сберечь, нужно доверять либо валюте, либо банкам, в условиях неопределенности, что будет с доходами. Можно взять кредит, но ты не знаешь, будут ли у

тебя доходы в будущем. Высокая неопределенность системы, отсутствие доверия институтам финансового рынка, может быть, и тормозить перераспределение структуры потребления.

Тогда вопрос: а может ли быть в модели ситуация, при которой само потребление, рост потребления, неизбежно приведет к спросу на качественные институты? Или здесь нужно что-то еще, какой-то другой дополнительный ингредиент, для того, чтобы эта связка сработала?

Вопрос 7. Екатерина Алябьева. У меня только небольшое дополнение к Ольге Кузиной, которая фактически задала мой вопрос. Вопрос к обеим докладчицам: вы говорите о драйверах перемен, свобода, демократия и так далее, и одновременно спрос на качественные институты. При этом Лилия Николаевна конкретизирует, что это отдых, связь, питание вне дома, культура. А какие все-таки есть четкие доказательства прямой связи спроса на свободу, демократию, перемены и потреблением питания вне дома, связью, отдыхом и культурой?

Вопрос 8. * Сергей Иванович, Российская академия предпринимательства. Я задам методологический вопрос: у вас много опоры на всякие цифры. Я знаю Василия Михайловича Семчеру, который был директором НИИ статистики, и ушел оттуда. Он утверждает, что никакой статистики, которая отражала бы хотя бы что-то реальное, в стране нет. Это статистика чисто политическая, выдуманная и агрегированная под конкретные задачи правительства. Он говорит о том, что ни один показатель не соответствует действительности, и отличается от 8 до 40 раз от реального состояния. Как вы учитываете корректировку реальности, или вы только оперируете теми цифрами, которые придуманы в кабинетах и не имеют никакого отношения к действительности?

Вопрос 9. Исмагилов Дмитрий, аспирант экономического факультета МГУ. Вопрос немного повторяет вопрос Ольги Кузиной, но уточнение: достижение определенного уровня потребления должно автоматически сформировать затем запрос на качественные институты для расширения этого потребления? Или, все-таки, появление качественных институтов должны опережать рост потребления и создавать для него возможности?

Ведущий. Спасибо, сейчас Лилия Николаевна ответит на поставленные вопросы.

Овчарова. Как связана экономическая безопасность и свобода. Вы знаете, я позволю себе не отвечать на этот вопрос, потому что я не специалист по экономической безопасности, а отвечать на уровне общих знаний ученого-экономиста я бы не хотела. Поэтому извините, на этот вопрос я не отвечу.

Людмила Сергеевна, у нас с Вами разное понимание мобилизации, у меня пессимистическое, у Вас оптимистическое. Каждый из нас имеет право на свое. Конечно, я с Вами не спорю, я всячески поддерживаю создание такого стандарта и его внедрение. И мой тезис, что массовый стандарт стал стандарт другой, он говорит о том, что нужно его делать каким-то инструментальным.

Теперь структура цен: все международные сопоставления по паритету покупательной способности в долларах приведены к сопоставимому виду. Там тоже есть свои проблемы, это к вопросу о статистике, но все в единой методике, по крайней мере, посчитаны.

Теперь, помимо доходов, какие есть еще характеристики качества и уровня жизни, которые бы характеризовали потребление. На самом деле, первая характеристика, которая приходит в голову – это жилье, хотя это тоже трансформированный в некоторой степени доход. Дальше есть достаточно большой агрегат характеристик, связанных с инфраструктурой того населенного пункта, где вы проживаете. Можно и эти переменные подключать, но мы все-таки в своем исследовании пытались работать с доходами и расходами на потребление. Мы понимаем, что есть и другие возможности.

Теперь вопрос, касающийся источников дохода: вы правы, что, посмотреть на эту проблему можно и через анализ источники доходов. На самом деле мы недавно выпустили доклад на эту тему, там можно это посмотреть..

Два основных вывода, которые можно было бы сделать, если бы мы посмотрели на источники доходов, я их озвучу. Первый вывод – структура источников доходов достаточно изменилась за годы постсоветского развития в трех компонентах. Первое – появилась значимая компонента, которая называется предпринимательский доход, которая была

максимальной в первые годы рыночных преобразований. И, может быть, немного вульгарное научное суждение, но все же отмечу, что именно доступность предпринимательского дохода в значительной степени демпфировала то неравенство, которое возникло в первые годы постсоветского развития, потому что кто-то заводы покупал, а кто-то 100 губных помад перепродавал и закупал новые. Вот эта предпринимательская активность составляла тогда порядка 18% дохода от доходов населения.

Вторая важная компонента, которая появилась – это доходы от собственности. И если бы я говорила про доходы сегодня, то мы бы увидели, как вывоз капитала за пределы страны виден даже через структуру доходов населения – как схлопнулись доходы от собственности в нашей стране в последние 5 лет. И третья компонента, которая не очень хорошо характеризует нашу ситуацию с точки зрения развития, – это неформальные доходы, которые составляют примерно четверть всех доходов. Их называют неформальной заработной платой, но это вообще большой вопрос, что такое вот эта компонента неформальных доходов.

Если говорить о предпринимательской деятельности и доходах от собственности, то два этих индикатора говорят о том, что у нас в стране очень плохо обстоит дело с институтами. И предпринимательская активность не растет, и не увеличиваются доходы от собственности, наоборот, вклад этих источников дохода снижается в последние годы. И что касается доходов от собственности, то часть этих доходов переместилась в пределы ненаблюдаемой экономики, скорее всего, за пределы нашей страны.

Теперь несколько слов по поводу, что первое – институты или потребление. И сюда же я объединю сразу несколько вопросов – есть ли такая прямая, линейная или криволинейная связь между потреблением и свободой. Ну конечно, нет, и Марина Дмитриевна говорила о том, что это необходимое, но далеко не достаточное условие. Может быть, своим не очень внятным завершением по поводу различных сценариев поведения я не докрутила эту мысль. Потребление, формирующееся по модели самовыражения, существенно повышает спрос на свободу, но жизнь может повернуться совершенно иначе. Это зависит от того, какова геополитическая ситуация, и от того, на каком этапе экономического цикла мы находимся.

И то, что растущий потребительский спрос предъявляет спрос на более качественные институты – это можно проследить по вот этим трем драйверам, которые я прописала. По ряду позиций спрос уже подтолкнул формирование хороших качественных институтов. Что там было первое, что там было второе – думаю, что это вопрос дискуссии. Дальше по второму агрегату спрос уже сформировался, он предъявляет спрос на качественные институты. Но поскольку институциональные изменения не дают ответного сигнала, там формируется неформальное отношение. Можем ли мы назвать неформальное отношение качественным институтом? С точки зрения сектора домашних хозяйств – это качественный институт, он дает им качественные услуги. Качественная няня, пришедшая ухаживать за вашим ребенком по рекомендации вашей соседки – для вас это качественная услуга. С точки зрения экономики в целом – это не качественный институт, потому что он неформальный. Что касается жилищно-коммунальных услуг – примерно такая же история. И опять, что касается образования и здравоохранения – это история, где мы стоим вообще вначале, потому что мы еще даже не можем сообразить, что там качественно, а что там некачественно.

В этой связи еще раз повторю, что связь очень сложная и очень неоднозначная. Но мне кажется, что здесь важный вывод заключается в том, что когда есть возможность многоформатного выбора, когда вы принимаете решение, инвестировать ваши ресурсы в образование ли, в здравоохранение ли, в жилье, в культуру, в отдых и так далее. Это уже драйвер свободы выбора. Если мы научимся свободе выбора, мне кажется, это серьезный шаг вперед по отношению ко всем другим свободам.

Здесь был еще вопрос – конечно, мы не можем утверждать, что расходы на рестораны порождают спрос на свободу. Здесь происходит то, о чем я сказала: когда есть многоформатный, многофункциональный выбор, этот выбор воспитывает людей, которые в состоянии делать ответственный выбор, а ответственный выбор – это выбор демократический.

Что касается статистики, вы знаете, сложно найти того, кто бы не пнул статистику. Я тоже периодически это делаю, но мы достаточно давно работаем с этими данными, и знаем все их достоинства и недостатки. Мы используем разные источники: результаты выборочных обследований, результаты денежного баланса доходов и расходов, результаты обследования домашних хозяйств. Конечно, там есть много сюжетов, которые вызывают у нас определенные вопросы, но по основным трендам, я в них уверена. Мне кажется, я на все вопросы ответила.

Красильникова. Я скажу про экономическую безопасность, я могу применить этот термин к безопасности личной собственности, на личном уровне. Это один из индикаторов того, как несвободно чувствуют себя наши высокообеспеченные группы населения. Я вам показывала один слайд, который говорит о том, что подавляющее большинство, три четверти обеспеченных людей чувствуют себя очень незащищено. Более того, довольно давно наш Центр проводил исследование об отношении к тогда еще милиции. И мы выяснили, что по мере роста благосостояния доверие к милиции снижается в нашей стране, в отличие от любой страны, развитой экономически и демократически, когда по мере роста доходов доверие к правоохранительным органам, напротив, повышается. В нашей стране уровень доверия к правоохранительным структурам растет до 8 дециля примерно, а в 9 – 10 дециль начинает понижаться. Это по поводу экономической безопасности, проблематика личной экономической безопасности, как раз указывает на то, что со свободой, наверное, пока не очень хорошо.

Вопрос, который был мне адресован – это перспективы появления качественных институтов, или их вообще никогда не будет. Я оптимист, я думаю, что когда-нибудь будут, но не знаю, когда. Я думаю, что это не связано напрямую с ростом уровня жизни, я уже сформулировала свою позицию, что рост потребления – это необходимое, но недостаточное условие.

В ходе исследований, которые мы проводим в последние годы, я все чаще стала находить подтверждение того, что очень важным фактором является уровень распространения двух взаимосвязанных параметров. Это ощущение у людей возможности контролировать окружающую их действительность. Я имею в виду, контролировать то, что происходит у них в семье, контролировать то, что происходит у них на работе или учебе, контролировать то, что происходит у них в доме, в районе, в городе и так далее, вплоть до страны, то есть на разных социальных уровнях. И связанный с этим параметр ответственности, которую люди чувствуют за то, что происходит у них в семье, за то, что происходит у них на работе, за то, что происходит у них по месту учебы, и так далее, вплоть до страны.

Я вам должна сообщить, что, во-первых, эти чувства - и ответственности, и контроля в нашей стране особенно мало распространены, равно как и доверие. Как я вам показывала слайд, примерно четверть населения можно отнести к группе людей, которые доверяют окружающим людям. Но мы смогли довольно убедительно показать (мы делали это исследование для Сбербанка России, и его результаты есть на сайте Сбербанка), что доверие остается таким психологическим феноменом, не социальным. То доверие, которое декларирует нам какая-то часть нашего населения, не становится дополнительным экономическим ресурсом. Оно не становится тем самым ресурсом для сбережений, для активных инвестиций. А вот ощущение контроля, обязательно сопряженного с ответственностью, потому что это братья-близнецы (ты не можешь нести ответственность за то, что ты не контролируешь, и наоборот) – приводит к изменениям в потребительском поведении..

Вот эти факторы действительно начинают менять поведение, они позволяют людям увеличивать горизонт планирования, они позволяют людям вести более сложную инвестиционную активность (если у них есть деньги, если у них выросло потребление, вспомним про необходимое условие). И поэтому я надеюсь, что распространение возможностей контроля и ответственности в нашем обществе совершенно точно будет способствовать распространению качественных институтов. Мне кажется, не нужно путать понятие качественной услуги и качественного института. Когда в рамках неформальной

экономики и для отдельной социальной группы, или даже для отдельной семьи, в экономике в целом можно обеспечить получение качественной услуги – это нам ничего не говорит о качестве институтов. Вернее, это скорее всего говорит нам о том, что качественных институтов в этом обществе нет, если это все носит такой вот индивидуальный сегментарный характер.

Когда мы сравнивали, по крайней мере, когда я сравнивала структуру расходов по разным странам, тот график построен на данных, которые публикует Росстат. Я думаю, что он делает это в рамках международных сопоставлений программы ОЕСД, и я думаю, что эти сопоставления делаются на основе ППС, то есть паритета покупательной способности. Поэтому здесь, наверное, все ценовые диспаритеты сняты.

Влияние источника дохода на спрос на свободу. Ну конечно, влияет. Просто мы сегодня в этой аудитории почему-то договорились говорить о влиянии потребления на качественные институты, а не дохода. С другой стороны, я должна сказать, что в нашей стране для трех четвертей, для четырех пятых населения единственный источник дохода – это работа по найму (трудовые пенсии). Поскольку я по своей профессии все время занимаюсь массовыми опросами населения, я привыкла работать и, прежде всего, думать про массовые слои населения.

Ведущий. Большое спасибо! Теперь мы переходим к самому интересному – к выступлениям с места.

Кузина. Ольга Кузина, Высшая школа экономики. Что я поняла из сегодняшнего обсуждения – что рост потребления, сначала на еду, на какие-то такие вещи, которые мы можем купить, оплатить и сразу же понять их качество, с ростом доходов переходит на потребность в каких-то институтах. И здесь я согласна, что не надо под словом институт понимать две разные вещи: одно дело – институты как качественные услуги здравоохранения, образования, другое дело – институты как свобода слова, демократия, и так далее.

И видимо, есть какой-то переход, когда от еды мы переходим к здравоохранению и образованию, а это доверительное благо. Мы никогда не можем проверить их сразу, если хочешь получить качественное здравоохранение, качественное образование, ты не можешь это сделать лично, потому что тебе нужно, чтобы этот институт работал. А чтобы он работал, нужна демократия, конкуренция, политическая, экономическая, и так далее.

Получается некий парадокс, по идее, должна быть логика – человек предъявил спрос на качественные институты образования и здравоохранения, не получил, и задумался о демократии. Но в условиях глобализации получается очень нехорошая вещь – если ты не получил их здесь, ты можешь получить их там. И меня сразу заинтересовало, все наши последние новации: закрытие границ для выезда за рубеж наших силовиков, и прочие ограничения, которые делают нас более закрытым обществом, чем перед этим – это положительно скажется? В результате, если нельзя будет там, то, может быть, задумаются здесь, или это приведет к тому, что, так или иначе, те, кто предъявляет этот спрос, найдут этот спрос за рубежом, а здесь останутся те, кто не сможет?

*. Тамбовский экономический факультет. Я вижу много студентов, у меня будет комментарий не собственно к докладам, сколько к терминологически постановочной части. Во-первых, мы все могли видеть, что слово «качественный институт» фигурировало в вопросах и ответах как минимум в трех разных смыслах. Это все равно, как мы беседуем с кем-то и говорим: «Вот это коса песчаная, она же острая» - «Что ты, какая она острая, она же женская». Господа, мы так ни о чем никогда не договоримся.

Это была не критика в адрес выступающих, это была критика в адрес заказчиков диспута, в адрес организаторов диспута, которые, формулируя тему, имели в виду одно, но докладчикам, вероятно, не объяснили, что институт в понимании Александра Александровича – это правила, по которым люди играют. Хорошие институты – версус ручное управление. Здравоохранение к институтам не имеет никакого экономического отношения. Внутри системы здравоохранения могут быть свои институты, формальные и неформальные, но это же надо было объяснить докладчикам. Кстати, мы выслушали исключительно интересные

доклады, но не имеющие никакого отношения к заявленной теме. Это не критика докладов и докладчиков, доклады, я повторяю, я слушал с удовольствием, вот индикатор того, что это хорошие доклады.

Но диспут был про другое, про то, о чем говорил коллега. Хорошо известно и статистически, и эмпирически, и * показано, что связи такой нет. Ссылки на Инглхарта совершенно неподставительны. Почти последний момент относительно самовыражения спроса на институты, спроса на свободу, спроса на демократию – это было у нас в стране модно несколько лет назад, широкие диспуты шли. Уважаемые коллеги, я не психолог, но даже я знаю, что желание не равно спросу. Я могу очень высоко ценить что-то, но если я знаю, что то, что психологи называют самодейственностью, в этом вопросе равно нулю – я ничего не предприму.

И совсем последнее замечание – у Марины Дмитриевны прозвучал такой тезис: ты не можешь быть ответственным за то, что не контролируешь. Понимаете, российская практика, особенно в высших управленческих слоях, идет ровно обратным путем. Вы знаете, за что отвечали губернаторы, это было совершенно официально? Они отвечали, например, совсем недавно отменили, за средний балл по ЕГЭ.

Башмаков. Когда я говорил про источники дохода, я, в частности, имел в виду источники, из какого сектора эти доходы генерируются. Если у нас 70% экономики – госсектор, и примерно 70% доходов у нас либо в бюджетной сфер, либо в госкомпаниях генерируются, то очень трудно предположить, что у этого населения, которое зависит от этих источников дохода, будет какой-то спрос на свободу по отношению к тому государству, которое, собственно, им эти доходы и предоставляет. Очень трудно предположить, что в этих условиях источником улучшения благосостояния становится рост самовыражения и производительности труда. Я сегодня ни одного слова не услышал о связи роста производительности труда и роста доходов и потребления. У нас как бы совершенно разноплановые ситуации, когда производительность труда изменяется одним образом, а доходы изменяются совершенно другим образом, и в среднем доходы никак не становятся результатом роста самовыражения и производительности труда.

Поэтому у нас и получается, что у нас за последние годы, когда доля госсектора существенно выросла, у нас доходы росли, как мы видели, а спрос на эти свободы и институты, которые их обеспечивают, наоборот, снижался. То есть у нас получилась прямо противоположная картина тому, что мы предполагали обсуждать. И причин, корней этой ситуации я не услышал, а хотелось бы именно их обсудить.

Но все равно я очень благодарен, очень много интересных наблюдений было в докладах, и я понял, что самые лучшие специалисты в этой области нас немного образовали в этой сфере. Но есть вопросы, которые я хотел бы тоже еще потом послушать, и получить ответы на них.

*. Институт экономики, главный научных сотрудник. Мне все-таки кажется, что это потребление, которое есть ни что иное, как доход, пока что в России, по крайней мере, так, все-таки употребить на благо роста экономики. Я недаром хочу сказать, что мобилизация – это не только рестрикция доходов, а еще правильная, разумная, научно-обоснованная, одобряемая народом, определенной его частью, политика.

Предлагаю простую вещь: от одного норматива, который у нас является главной целью потребления – прожиточный минимум, о котором даже депутаты говорят, что это индульгенция для работодателя. Зачем им совершенствовать организацию труда, ведь они прибыль и так получают, которую к тому же употребляют на собственное потребление, зачем им волноваться? Пока государство не поставит серьезный стандарт, а мы посчитали, какой должен быть доход у работающего человека, стандарт очень просто считается на уровне базового потребления среднего класса. Это не так трудно посчитать.

Исмагилов. Исмагилов Дмитрий, аспирант экономического факультета МГУ. Вопрос к диспуту был поставлен – вызывает ли рост потребления спрос на качественные институты. По итогам обсуждения, скорее, вырисовывается несколько другая связь: отсутствие одних может

привести к потере других. Отсутствие качественных институтов при росте потребления может привести к резкому снижению потребления в какой ситуации, например, отсутствие финансовой грамотности и качественного финансового мониторинга, ввиду последней статистики по закредитованности населения, может привести к большому потоку невозвратов и, соответственно, к резкому снижению потребления. И если эта ситуация будет воспроизводиться в виде этого порочного круга, можно говорить о каком-то характере, о какой-то ловушке отсутствия качественных институтов, и, соответственно, торможении роста потребления.

Вопрос о том, откуда формируется спрос на качественные институты остается открытым. Либо, как говорила Марина Дмитриевна, иногда выкристаллизовывается из качественного образования и прочего, что повышает у человека ощущение дискомфорта, либо для общества существует потребность в жесткой руке, которая приходит сверху и устанавливает эти институты. То есть вопрос преодоления этого порочного круга – рост потребления должен или не должен сформировать запрос на качественные институты, и эти качественные институты должны сохранить этот стандарт потребления и, по крайней мере, создать условия для его повышения.

Рысин. Рысин Валерий Тувьевич. Все виды свободы вместе образуют некую сумму свободы, по величине которой мы различаем свободные страны и такие, как Россия, Китай, КНДР, и прочие. Но для того, чтобы ухватить за суть, мы должны некоторые виды свободы отбросить как вторичные, зависимые, переменные. Есть главное – это экономическая и политическая свобода, свобода экономической и политической деятельности. Это доказывается в два приема, но времени нет.

Что из них первично? В отличие от курицы и яйца понятно, что первична экономическая. И тогда что получается в России? Внешняя политика у нас существует, внутренние политические институты лежат в руинах. Когда система построена правильно, тяга, запросы, призывы к политической свободе реализуются, трансформируют политическую систему, и обратным влиянием открывают новые шлюзы для взаимного развития по восходящей. Когда система устроена неправильно, а именно с такой мы имеем дело в России, абсолютно безразлично, каковы мнения людей относительно тех или иных предпочтений в свободе, потому что эти призывы отслеживаются и гасятся квазиполитической системой. А когда они не реализуются, они уходят в какие-то латентные или даже патологические состояния, где нужны усилия социальных психологов и даже, может быть, социальных терапевтов.

Не учитываете вот что: российский человек отличается от всего другого тем, что обычно, когда у человека притязания не удовлетворяются, он увеличивает усилия, чтобы реализовать эти притязания, у нашего человека высокий коэффициент эластичности. Он снижает притязания, поэтому все это выглядит несколько иначе.

*. Институт народно-хозяйственного прогнозирования. Вначале две необязательных реплики: обсуждать свободу и рост потребления в начале особого периода странно. Что такое особый период, можно посмотреть в любой хорошей энциклопедии, я не буду раскрывать. Второе – объявлять институтами некоторые типы услуг и некоторые сектора экономики – это странно, но об этом уже говорил Тамбов.

Основное, что хотел сказать, в основном для студентов и аспирантов, то есть для людей более молодых поколений – проводя межстрановые сравнения, желательно думать о том, с какими странами и почему ты сравниваешь. Наше поколение уже не исправишь, мы будем сравнивать с Соединенными Штатами, с Канадой, и в качестве нижней границы будем брать Польшу. Боюсь, что это уже не очень адекватно. Предполагаю, что вашему поколению нужно обратить внимание на другие страны: Мексику, Бразилию в качестве образца, либо достижимого, либо недостижимого. А в качестве стран, с которыми придется реально сравнивать – Индонезия, Пакистан, Египет, Турция, и, страшно сказать, Нигерия.

Ведущий. Всем спасибо за соблюдение регламента. У нас осталось два пункта в нашей повестке дня – это заключительное слово обеих участниц. Начинает Марина Дмитриевна,

после этого Лилия Николаевна тоже скажет пару слов. И, как обычно, анонс следующего диспута.

Красильникова. Я прежде всего хочу сказать большое спасибо за то, что меня сюда пригласили. Мне особенно приятно, что экономический факультет, который для меня родной, демонстрирует стремление выйти за пределы только экономической науки, и это мне это очень дорого и очень приятно.

Поскольку меня дважды обвинили в том, что я смешала качественные институты с услугами, я хочу объяснить, что пример здравоохранения, который был приведен в моей презентации, приведен не как пример услуги здравоохранения, а как пример отношения высокодоходных слоев населения к либеральной модели изменения общественных институтов. Поэтому я вашу критику не принимаю.

И хочу сказать, что выбор стран, которые демонстрируются на слайде, на самом деле, зависит от того, какую задачу вы ставите перед этим слайдом. Моя задача состоит в том, чтобы показать, что Россия при всем своем срединном положении по многим показателям доходов и потребления, на самом деле еще достаточно далека от тех стран, на которые стремится быть похожей, стран с развитой экономикой.

Мне кажется, тема этого диспута была сформулирована достаточно общо, но в условиях особого периода, может быть, сейчас последняя возможность обсудить подобного рода тематику, и ей надо пользоваться.

Овчарова. Спасибо! Я тоже хотела поблагодарить за приглашение выступить и увидеть многих, с кем я давно не виделась. Я тоже хочу сказать, что широкое определение нашей темы дало возможность выступить в рамках своей парадигмы.

Еще раз получила подтверждение некоего заключения, которое очень часто делаю: то, что мы думаем, говорим и как нас понимают – это три большие разницы. Видимо, поэтому сегодня с точки зрения услуг и институтов так и получилось, сожалею, что так получилось.

Я, может быть, здесь коротко еще раз сформулирую. Диверсифицированное потребление формирует практики ответственного выбора, и в рамках отдельных секторов и услуг формируется спрос на новые правила, которые трансформируются в новые институты. Я хотела именно это сказать, но у вас другой взгляд. Я очень рада, что все по-разному смотрят на анатомию проблемы, это же замечательно. Я специалист по потреблению, вы специалист по институциональной экономике, замечательно, что мы с таких разных точек зрения смотрим.

Спасибо за ваши замечания, потому что они дисциплинируют мозги. Я тут была на одном семинаре, на котором выступающий, которого критиковали, сказал: «Я хотел получить советы, и думал, что мне придется за них платить. А тут есть возможность получить бесплатные советы». Поэтому спасибо за ваши бесплатные советы.

Буклемишев. Уважаемые коллеги, мне остается от лица всех присутствующих поблагодарить наших уважаемых выступающих экспертов. Большое спасибо за интересные доклады, как мне кажется, экономические факультеты в очередной раз подтвердили свое пристрастие к междисциплинарности, и я надеюсь, что это безусловное преимущество и прибыль от этого диспута.

Я надеюсь, эта тема в том или ином виде, несмотря на различные обстоятельства, будет еще не раз подниматься у нас на диспут-клубах. И я хотел бы объявить, что следующий диспут-клуб, видимо, уже по другой теме, состоится 16 октября, это третий четверг месяца, 18-00, здесь же. Мы надеемся, что уже все сопредседатели будут на месте, а тему мы, как обычно, объявим за неделю, она будет разослана и вывешена на нашем сайте. Еще раз большое спасибо и до следующих встреч.